

РУКОПИСЬ

Ольга МАРТЫНЕНКО

Для названия своих мемуаров автор взял строчку поэта Александра Кушнера «Времена не выбирают». Но людские предпочтения — дело свободного выбора.

— Вот эта комната на даче, — говорит Григорий Бакланов, предлагая мне разделить удовольствие от созерцания плодов плотнического мастерства, — вся сделана руками замечательного плотника-самоучки Ивана Васильевича Голубева. Умер молодым, от водки, конечно. Придет, бывало: Григорий Яковлевич, налейте стакан. Мне не жалко, но ведь понимаешь, что губишь человека. Он глаза опустит, помрачнеет: если есть, налейте. Выпьет, не закусывая, и повеселеет. А по соседству в деревне — женщина, которой сейчас за семьдесят. Когда отец ушел на фронт, мать, оставшаяся с двумя детьми, призналась 14-летней дочери, что беременна. И та уговорила мать рожать. А потом мать пошла собирать колоски, дали ей за это семь лет, дети остались одни. Уходит поколение, которое столько бед терпеливо перенесло. Вот академик Борис Викторович Раушенбах, знаменитый ракетчик, один из создателей катюши. Когда она на фронте стреляла, ее конструктор отбывал срок в Нижнетагильских лагерях за то, что немец. Он говорил мне: я понимал их логику. Хорошо, что начальник лагеря сообразил дать ему возможность работать — как Королеву или Туполеву. Что голод, что лишения, рассказывал он, какое все это имеет значение, когда тебе позволяют работать.

— Но это фигуры бесспорные, судьба которых стала по-своему хрестоматийной. Однако у вас есть глава, она опубликована в Интернете, которая непременно вызовет бурную реакцию. Ее обличительный тон совсем не свойствен мерному течению мемуаров.

— Обличительный? Не думаю. Глава называется «Кумир» и посвящена Александру Исаевичу Солженицыну. Я бы ее не написал, если бы за этим не стояла длинная история моего отношения к этому сложному и противоречивому персонажу. После того как Твардовский опубликовал в «Новом мире» «Один день Ивана Денисовича», я первым восторженно написал об этой повести в «Литературной газете» — потом мне это не раз припоминали. А когда не пустили в печать «Ракетный корпус», в Союзе писателей устроили собрание, на котором мы пытались роман отстоять. Помню, Солженицын сидел отдельно за маленьким столом президиума, я встал около него и сказал: позор, что эту книгу запрещают. Хотя роман не произвел на меня такого впечатления, как «Иван Денисович» или «Матренин двор», где дышит не только живая жизнь, но и высшая художественная правда. Интересно вот что: я впервые близко увидел этого человека — его лицо, глаза, и подумал, что никогда не захо-

ЛИТЕРАТУРА — ОПАСНЫЙ РОД ЗАНЯТИЙ

чу с ним встречаться и разговаривать. Но я гнал от себя эти мысли.

Конечно, судьбу книг решает не «сверхусильный напор» автора (солженицынские слова), не современники и не властители. А только время: какой книге жить, а какой быть забытой. Я думаю, «Иван Денисович», как и «Матренин двор», в литературе останутся, они уже сейчас включены в школьную программу. Останется «Архипелаг ГУЛАГ» — да книга и написана сильно. А вот главную его глыбу, «Красное колесо», ее первый узел «Август четырнадцатого» я читал в рукописи. Запретная рукопись имеет особую силу притяжения, и тем не менее я поражаюсь, насколько это литературно и вторично.

— Значит, вы разочаровались в Солженицыне как в писателе. Но это же не повод для обвинений.

— А я не обвиняю. И дело не в

сам пишет, в двери, которые менее всего для этого отвернутся. Когда пришло разрешение печатать, он бросился к жене, расцеловал ее и заплакал. Так радоваться за другого не каждый может.

Потом, когда Солженицыны вернулись из вермонтского поместья, раздалось из семьи: а что «Новый мир» сделал для Солженицына? Опубликовал три рассказа, и то название одного из них поменял («Кочетовку» на «Кречетовку»). Вроде бы они и пострадали даже. И все это было сказано вслед ушедшему из жизни Твардовскому.

— Но ведь Солженицын был ему глубоко благодарен. Весь мир обошла фотография похорон Твардовского, когда Солженицын целует его в мертвый лоб.

— Так что в этом особенно-го? Ну, могли не пустить в ЦДЛ. Но он шел под охраной вдовы Твардовского, она держала его под руку. Эта

ленно, с карандашом, лежа в больнице, и после этого мне захотелось вымыть руки. Об этой, говоря словами Бориса Слуцкого, «проклятой расе» за две тысячи лет написаны тонны книг. Большинство канули в вечность, но некоторые остались. И несмываемо остались имена авторов, в их числе имя Солженицына.

— Как участник войны вы много места уделяете фронтовому прошлому Солженицына. И тоже судите его не по законам мирного времени.

— Это долгий разговор, скажу лишь, что правду о войне у нашего классика, учившего «жить не по лжи», надо искать днем с огнем и фонарем. Сейчас в издательстве «Вагриус» вышла книга Виктора Некрасова. Отправляясь на фронт, Некрасов, у которого была бронь, позвонил матери. И она, потерявшая в Гражданскую войну старшего сына, сказала ему: «Ну и

Григорий Бакланов

дах, занимавший положение, мог отсидеться, но тоже ушел в ополчение, был санитаром в полку и тоже погиб. Мой двоюродный брат, студент ИФЛИ, вернулся с рытв окопов весь во вшах, хребет был просто изъеден, я это знаю по фронту, вши особенно любят хребет и поясницу. Слабый физически и не очень пригодный к армии, он сказал матери: «Мои товарищи идут на фронт». Мать не стала его удерживать. Он погиб в 42-м под Харьковом.

Виктор Некрасов, как говорили на фронте, прошел весь Сталинград: и отступление, и бои в городе, когда в 60 метрах немцы, а позади 200 метров берега до Волги. Солженицын в это время был в тылу, в артиллерийском училище в Костроме, и писал: «Больше всего боялись недоучиться до кубиков (слали недоучившихся под Сталинград)».

— Вы работали над книгой четыре года. Какие события этих лет нашли в ней место?

— Эти годы полны таких событий, значение которых современники вряд ли могут оценить вполне. Вот, погибла подводная лодка. Вся ре-

акция на эту трагедию — общества, власти, независимо от качества этой реакции, явление небывалое. Сколько раньше всего тонуло — и ни слова. «Адмирал Нахимов» перевернулся на глазах у всего Новороссийска, 600 с лишним солдат, отправлявшихся туда на место службы, продолжали стоять на палубе — им приказано было стоять. После землетрясения исчез целый город — Ашхабад. Я случайно услышал об этом от своего однокашника. Он, хоть и мусульманин, выпил крепко и проспал землетрясение в кювете. А семья его погибла. Или пример с обратным знаком: когда в первый раз закрывали НТВ, люди в знак протеста вышли на улицу. А сейчас объявляют: сняли одних, назначили других. И ничего, все спокойно, все нормально.

— Предыдущая книга ваших воспоминаний называлась «Жизнь, подаренная дважды». Кому на этот раз вы подарили вторую жизнь?

— Пишу о Твардовском, Григории Чухрае, Айтматове, Гранине, Гамзатове, Дедкове... Каждый из них сам себе подарил вторую жизнь.

ДОСЛОВНО

«Год 1991-й. В Москве — Пугач. Ростропович, все бросил, прилетел защищать Белый дом. Солженицын... ну хоть бы слово сказал. Он был тогда подобен легенде, слово его тогда много значило. «...Талант и человеческие качества вовсе не всегда в одном сосуде. Никогда в период гонений я не сказал и не подпал ни единого слова против Солженицына, а вымогали это различными способами. Нет у меня и теперь намерения «опорочить его как личность». Да и никто не способен это сделать так, как делал на протяжении лет и сделал он сам: литература — опасный род занятий, пишешь про кого-то, а сам ты виден на просвет».

(«Кумир»)

Последнее целование. Солженицын у гроба Твардовского